

УДК 821.161.1.09**Светлана ГРИЦИК,**
студентка 5 курса ИФЖ**Н. И. АСТРАХАН,**
доцент**ПРОБЛЕМА «НАРОД И ИСТОРИЯ» В ТРАГЕДИИ
А. С. ПУШКИНА «БОРИС ГОДУНОВ»**

Трагедия «Борис Годунов» А. С. Пушкина рассматривается в статье с точки зрения актуального для автора пересечения событий российской истории начала XVII века с его современностью: на историческом материале выбранной им эпохи поэт показывает проблемы, которые его волновали. Народ представлен как главный герой пушкинской трагедии, решающая сила в борьбе с самодержавием, участник и судья истории.

Трагедия «Борис Годунов» принадлежит к числу величайших художественных созданий А. С. Пушкина [3, с. 141]. Русский поэт с ранних лет живо интересовался историей своей родной земли. Великий поэт начал писать «Бориса Годунова» в конце 1824 года и работал над трагедией упорно и долго; трагедия была закончена в ноябре 1825 года. «Борис Годунов» был для Пушкина целым переворотом, итогом глубококих размышлений, воплощением нового и зрелого этапа его социально-политического и эстетического развития. В своей трагедии он преодолел воспитавший его гений традиции русского романтизма. Это был поворот творчества, не отменявший предшествующего пути, но проведший грань, отделяющую пройденный путь от нового [1, с. 9].

В центре исторических раздумий Пушкина была судьба русского народа и созданного им сильного многонационального государства, проблема народного счастья, процветания, максимального развития всех заложенных в народе могучих творческих сил [3, с. 143].

Историческая эпоха конца XVI – начала XVII века также являлась эпохой «многих мятежей», периодом нарастающей народной грозы, закипающего широкого народного движения, которое вскоре вылилось в крестьянскую войну под предводительством Болотникова. Читая страницы карамзинской «Истории», которой и была посвящена трагедия, в период выступления декабристов Пушкин все время ощущал сходство событий начала XVII века с современностью. «Это волнует, как свежая газета», – писал он В. А. Жуковскому. История Годунова, вступившего, по Н. М. Карамзину, на царский престол ценой преступления – убийства законного наследника, царевича Димитрия, – невольно должна была вызывать в сознании Пушкина известную аналогию с ненавистным ему царем Александром Первым, вступившим на трон в результате убийства отца, Павла I, убийства, к которому новый царь и сам был в какой-то мере причастен.

© Грицик С.

Вместе с тем на историческом материале выбранной им эпохи «многих мятежей» поэт имел полную возможность поставить и попытаться решить наиболее жгучие и волнующие политические вопросы своего времени: о характере русского самодержавия, об отношениях между царской властью и народом и, в особенности, о роли народа в истории, о значении народной поддержки в борьбе с царем. И в своей исторической трагедии «Борис Годунов», работать над которой Пушкин начал через несколько месяцев после приезда в Михайловское, замечательно использовал эту возможность [3, с. 145].

В трагедии А. С. Пушкина сплетались и традиция, которую Пушкин преодолел, и основы его новаторства. Традиция приводила к тому, что история и современность, прошлое и настоящее сближались, рассматривались как единство и судились одним судом. Пушкин решает вопрос взаимоотношения монархии и народа на материале истории, но решение, полученное на основании изучения этого материала, он прилагает и к современности. Для него прошлое не равно современности, но современность обусловлена прошлым, историей. Выводы из анализа прошлого он применяет к настоящему не в том смысле, что он в XVII веке видит политику XIX и наоборот, а в плане объяснения настоящего положения и перспектив будущего неизбежностью исторического хода вещей [1, с. 13].

Проблема народности включала для Пушкина два аспекта. Один касался отражения в литературе народной психики и народных этических представлений, другой – роли народа в истории. Первый повлиял на концепцию «Евгения Онегина», второй выразился в «Борисе Годунове» [2, с. 17].

Центр тяжести трагедии Бориса, по Пушкину, лежит в социальных отношениях эпохи. Не поединок между Борисом и самозванцем, а другая, более сложная и глубокая борьба, борьба социальных сил – самодержавия, боярства, дворянства, народа – составляет истинный предмет пушкинской трагедии [3, с. 147].

Одним из непосредственных литературных образцов для Пушкина при составлении им его трагедий послужили знаменитые хроники Шекспира. Но в понимании исторических событий Пушкин идет гораздо далее. Содержание шекспировских драматических хроник составляет борьба личностей, которые стремятся к власти и оспаривают ее друг у друга. «Борис Годунов» далеко выходит за пределы только этой борьбы, драма является первым во всей мировой литературе образцом подлинной социально-исторической трагедии, в которой действуют не только отдельные личности, но где в движение приведены большие социально-исторические пласты, где решаются судьбы народные [3, с. 148].

Мысль о «мнении народном», о поддержке народа как об основной решающей силе в борьбе с самодержавием составляет один из важнейших философско-исторических тезисов Пушкина, выдвинутых в его трагедии. Эта мысль связана с его раздумьями о судьбе переворота, который в это время готовится декабристами как раз в отрыве от широких народных масс [3, с. 156].

Пушкин в 1825 году углубил принцип политической мысли своих сверстников-друзей декабристов. Он знает, что историю творит не только индивидуальный пафос, убежденность отъединенной личности, но и – в первую очередь – закономерность народной жизни. Он хочет понять проблемы развития своего отечества, исходя из реальных возможностей жизни, настроений и чаяний народа. Отсюда возникает потребность проверить свои убеждения высшим судом, судом народного сознания. Это сознание объективно выразилось в истории, реальном творении народа. Отсюда необходимость изучения проблем политики в истории народа; это изучение и дало трагедию «Борис Годунов».

В трагедии события истории созданы именно народом. У Пушкина «народ» значит как отдельный персонаж в списке действующих лиц. Нужно указать и другое: даже в чисто композиционном отношении народ выдвинут у Пушкина на роль центрального героя пьесы. У него ни один из героев не может быть признан ведущим, центральным персонажем. Это можно увидеть на примере Бориса Годунова. Как известно, из двадцати трех сцен трагедии он появляется только в шести, а Самозванец – только в девяти. Важно и другое: Борис умирает не в конце трагедии, а раньше. Во всякой трагедии 16-19 веков смерть главного героя была концом трагедии, а здесь Борис умер, а трагедия продолжается, ибо не он ведет события, составляющие ее суть [1, с. 16]. То же происходит со вторым героем – Самозванцем. Он появляется не в начале трагедии, как это полагается герою; о нем даже речи нет в первых четырех сценах; но и этого мало; он, как и Борис, в сущности, исчезает из трагедии прежде ее окончания, еще прежде смерти Бориса, и последний раз мы видим его в момент поражения. Трагедия завершается без Самозванца и помимо него.

Композиционно роль народа как героя пьесы достаточно явственна. Он появляется в начале трагедии, сразу же после вводной сцены, содержащей экспозицию. Он появляется затем в ряде поворотных, центральных сцен. Он доводит трагедию до конца, и его трагическая судьба заканчивает пьесу. Народ – и воины, полки Самозванца, тот же народ – появляется тоже только в девяти сценах, но он основа и носитель действия с самого начала до конца трагедии. Вспомним о стилизованном в старинном духе названии, которое Пушкин предполагал сначала дать создаваемой им трагедии: «Комедия о настоящей беде Московскому государству, о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве». И здесь «беда», судьба народа и государства выдвигается на первый план [3, с. 136].

Важно отметить также последнюю сцену трагедии. Она заканчивается знаменитой фразой: «Народ безмолвствует». Характерно, что фраза эта дается Пушкиным без скобок, то есть не в порядке ремарки. Безмолвие народа – это ответ народа на то, чему он только что был свидетелем, и этот немой ответ звучит сильнее всяких слов. В данной ситуации безмолвие народа на призыв бояр приветствовать нового царя носит определенно враждебный новому самодержцу характер. В этом «безмолвии» заключена, по Пушкину, вся дальнейшая судьба самозванца [3, с. 157].

Революция без народа бессильна и потому безнадежна; это –

вывод из мыслей о народе как единственной силе истории. Но революция самого народа бессмысленна вследствие темноты, стихийности народной массы и народного движения, – к такой мысли также приходит Пушкин. Вспомним начало «Бориса Годунова». Народ показан здесь как безразличная стихия делающая то, что прикажут. Пушкин в этих сценах зол, сатиричен; он бичует народную отсталость.

То, что «Борис Годунов» завершается безмолвным, но ощутимым народным судом, то, что Пушкин выносит свой приговор историка именем судьи-народа, является самой значительной чертой его исторической трагедии, которая не только по своему совершенно новому драматическому строю, но и по идейному своему содержанию действительно может быть названа народной трагедией, какой и стремился сделать ее Пушкин.

***С. Грицик. Проблема «народ та історія» в трагедії
О. С. Пушкіна «Борис Годунов».***

Трагедія «Борис Годунов» О. С. Пушкіна розглядається в статті з точки зору актуального для автора перетину подій російської історії початку 17 століття з його сучасністю: на історичному матеріалі обраної ним епохи поет показує проблеми, які його хвилювали. Народ представлений як головний герой пушкінської трагедії, вирішальна сила в боротьбі із самодержавством, учасник і суддя історії.

***S. Gritsik. The problem «the people and the history» in
Pushkin's tragedy «Boris Godunov».***

Pushkin's tragedy «Boris Godunov» is addressed in article in terms of relevance to the author of intersection of events in Russian history of the early 17th century with its modernity. Poet shows the problems that excited in historical material on his chosen era. People are represented as the main subject of Pushkin's tragedy, the decisive force in the struggle against the autocracy, the participant and the judge of history.

Список использованной литературы:

1. Гуковский Г. Пушкин и проблемы реалистического стиля. – Л. : Гослитиздат, 1957. – 413 с.
2. Лотман Ю. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. – М. : Просвещение, 1988. – 352 с.
3. Пушкин А. Борис Годунов. – М. : Детгиз, 1974. – 189 с.

